

Легитимация этноконфессионального самоопределения граждан в правовой системе новых независимых государств: сравнительный политический анализ

Ибрагим Джавпарович Ибрагимов

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия,
ibragimid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0235-0285>

Аннотация

Введение. Самоорганизация граждан на основе культурных идентичностей – этнической, конфессиональной – составляет существенный сегмент гражданского самоопределения. Реализация этноконфессиональных интересов целесообразна в общем правовом поле демократических государств, в которых субъекты гражданского общества этнической и религиозной детерминации формируются и функционируют на легитимных основаниях в публичной политике. Правовое и доктринальное обоснование самоорганизации на базе этноконфессиональной идентичности требует исследовательского внимания, тем более что религия и религиозный фактор активно проявляются как неполитические факторы политики.

Цель. Выявление детерминации, принципов, страновой специфики целевого банка законов некоторых постсоветских государств, обеспечивающего этноконфессиональную безопасность и комфорт граждан в контексте демократического транзита, который предусматривает идеологический, мировоззренческий плюрализм и идентификационную свободу.

Методологическую основу исследования составляет институционализм, позволяющий выявить соотношение системных детерминант, объективных обстоятельств демократического политического транзита в республиках постсоветского пространства с разработкой целевого законодательства – конституций новых независимых государств. Исследовательские возможности институционализма позволяют провести сравнительный политический анализ интенций основных законов ряда стран, который создает возможность для рассмотрения правовой базы этноконфессионального самоопределения как значимого сегмента гражданского общества как общественно-политического института.

Результаты. Созданная в Азербайджане, Армении, Беларуси, Казахстане, Молдове законодательная база (прежде всего, конституционная) обеспечивает реалии политического демократического транзита, который предусматривает расширение идентификационных оснований самоорганизации граждан в системе гражданского общества. 90-е гг. XX в. стали периодом формирования новых законодательных систем, в которых зафиксированы новации политических систем и политических режимов стран СНГ во множестве их противоречий. Конституции государств, которые образовались после распада СССР в 1991 г., являются правовой основой государственного суверенитета, государственно-гражданских отношений, а также и национальных моделей гражданского общества. Особенности правового творчества в сфере государственно-религиозных отношений, место религии и религиозных общественных организаций в общественно-политических отношениях и национальных моделях гражданского общества данных стран обусловлены тем, что в них представлены разные этнические и религиозные группы, которые участвовали в этнополитических противоречиях и конфликтах с выраженным религиозным компонентом. Несмотря на конституционные принципы, которые соответствуют международным гарантиям прав человека и гражданина в сфере этнической и религиозной идентичности, в реальной общественно-политической практике данных стран отмечаются проблемы, противоречия и конфликты этнической и религиозной детерминации.

Выводы. Конституции новых независимых государств образуют правовую основу образования и функционирования религиозных организаций в системе гражданского общества. Законодательная база данных стран: а) продолжает некоторые правовые нормы советской системы, адресованные национально-государственному строительству и государственно-религиозным отношениям; б) имеет инновационный характер в соответствии с новациями государственного и политического суверенитета вновь образованных государств; в) отражает этноконфессиональные особенности и запросы граждан, а также новые принципы отношений государства и религиозных институтов, новые треки строительства национальных государств.

Ключевые слова: гражданское общество, публичная политика, законодательная база, этноконфессиональное самоопределение, государственно-религиозные отношения, независимые государства, суверенитет

Для цитирования: Ибрагимов И. Д. Легитимация этноконфессионального самоопределения граждан в правовой системе новых независимых государств: сравнительный политический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 4. С. 190–200. EDN ROHUQU

Original article

Legitimation of ethno-confessional self-determination of citizens in the legal systems of newly independent states: a comparative political analysis

Ibragim D. Ibragimov

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, ibragimid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0235-0285>

Abstract

Introduction. The self-organization of citizens based on cultural identities – ethnic and confessional – constitutes a substantial segment of civic self-determination. The pursuit of ethno-confessional interests is most appropriately conducted within the general legal framework of democratic states, where civil-society actors shaped by ethnic and religious determinants are formed and operate on legitimate grounds within public policy. The legal and doctrinal substantiation of self-organization grounded in ethno-confessional identity requires scholarly attention, not least because religion and the religious factor increasingly manifest themselves as extra-political forces within political processes.

Purpose. Identification of the determination, principles, and country specifics of the target bank of laws of some post-Soviet states, which ensures the ethno-confessional security and comfort of citizens in the context of democratic transit, which provides for ideological, ideological pluralism and identification freedom.

The methodological basis of the research is institutionalism, which makes it possible to identify the correlation of systemic determinants and objective circumstances of democratic political transit in the republics of the former Soviet Union with the development of targeted legislation – the constitutions of newly independent states. The research capabilities of institutionalism make it possible to conduct a comparative political analysis of the intentions of the basic laws of a number of countries, which creates the opportunity to consider the legal framework of ethno-confessional self-determination as a significant segment of civil society as a socio-political institution.

Results. The legislative (primarily constitutional) frameworks established in Azerbaijan, Armenia, Belarus and Moldova sustain the realities of democratic political transition, which entail expanding the identity-based grounds for citizens' self-organization within civil society. The 1990s were a period of forming new legal systems that codified innovations in the political systems and regimes of the CIS countries, along with their many contradictions. The constitutions of the states that emerged after the dissolution of the USSR in 1991 provide the legal foundations for state sovereignty, state-citizen relations and national models of civil society. Law-making in the sphere of state-religion relations – and the place of religion and religious public organizations in socio-political relations and in national models of civil society – is shaped by the presence of diverse ethnic and religious groups that have been involved in ethno-political contradictions and conflicts with a pronounced religious component. Despite constitutional principles aligned with international guarantees of human and civil rights in the sphere of ethnic and religious identity, the real socio-political practices of these countries exhibit problems, contradictions and conflicts stemming from ethnic and religious determinants.

Conclusions. The constitutions of the newly independent states constitute the legal basis for the establishment and functioning of religious organizations within the system of civil society. The legislative frameworks of these countries: (a) continue certain legal norms of the Soviet system pertaining to nation-state building and state-religion relations; (b) are innovative, reflecting the new realities of state and political sovereignty in the newly formed states; and (c) capture ethno-confessional specificities and citizens' demands while at the same time articulating new principles governing relations between the state and religious institutions and new pathways for building nation states.

Keywords: civil society, public policy, legislative framework, ethno-confessional self-determination, state-religion relations, independent states, sovereignty

For citation: Ibragimov I. D. Legitimation of ethno-confessional self-determination of citizens in the legal systems of newly independent states: a comparative political analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2025;(4):190–200. (In Russ.). EDN ROHUQU

Введение

Самоорганизация граждан на основе культурных идентичностей – этнической, конфессиональной – составляет существенный сегмент гражданского самоопределения. Реализация этноконфессиональных интересов целесообразна в общем правовом поле демократических государств, в которых субъекты гражданского общества, в том числе, этнической и религиозной детерминации формируются и функционируют на легитимных основаниях. Разработка целевого банка законов, обеспечивающего этноконфессиональную безопасность и комфорт, обусловлена демократическим треком, который предусматривает идеологический, мировоззренческий плюрализм и идентификационную свободу. Это требует исследовательского внимания, так как религия и религиозный идентификационный фактор все в большей степени становятся, как отмечает М. М. Мчедлова, неполитическими и не институциональными факторами политики и воздействуют на политический процесс [1, с. 541–546].

В этом плане вызывают интерес политико-правовые новации новых независимых государствах – бывших союзных республик Советского Союза, которые порождены потребностями политического транзита. Страны постсоветского пространства являются субъектами новой системы межгосударственных отношений и включаются в новые альянсы, которые формируются, как выделяет В.И. Коваленко и др., в сложных противоречиях [2, с. 46–66]. Ситуация внутри стран постсоветского пространства, как и отношения между ними на начальном этапе суверенитета, а также и сегодня отличаются существенными проблемами и дисфункциями общественно-политических отношений, политических режимов и политического управления, что отмечают К. Ф. Затулин и А. М. Миграмян [3].

Современные реалии таковых обязывают государства к постоянному совершенствованию правовой основы реализации этноконфессиональных интересов граждан, а также к эффективной легитимации религиозных организаций как субъектов национальных моделей гражданского общества, в чем, как отмечает Г.В. Косов и др., проявляются правовые позиции международного уровня [4, с. 76–87].

Выбор для анализа конституций (основных законов) Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Молдова определяется рядом обстоятельств. Прежде всего, это ускоренный темп постсоветских демократических преобразований, нарастание идейно-мировоззренческого плюрализма, интенсификация партогенеза, а также количественный и качественный рост «третьего сектора» [5]. Сообщества этих стран имеют разнообразный этноконфессиональный состав; в мировоззренческом и духовно-традиционном пространстве этих стран присутствуют главные мировые и традиционные религии; эти страны являются субъектами разных международных соглашений и блоков (ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы, СНГ, Союзное государство Беларуси и России, ЕАЭС, ОБСЕ, ГУАМ, МАГАТЭ, ОДКБ и др.). Закономерно, что после распада СССР в бывших республиках советской федерации состоялся политический демократический транзит, который, по мнению О. Г. Харитоновой, выразился, в проблемном образовании демократических институтов политики и управления [6, с. 73–76]. Взаимодействие со странами по российскому периметру с учетом сохраняющегося в них русского населения, а также и поколений граждан, социально и ментально близких России, как отмечают О. Г. Карпович, А. В. Давыдова, является приоритетом внешней политики РФ, которая сегодня выступает за справедливый многополярный мир [7].

Новый комплекс демократических норм государственно-религиозных отношений зафиксирован, прежде всего, в конституциях новых стран. Конституционное оформление этноконфессионального самоопределения позволяет религиозным организациям легально включаться в публичную политику и приобретать свойства ее неполитических субъектов. Будучи таковыми религиозные организации воздействуют на разработку, принятие и проведение в жизнь политических решений, относящихся к воплощению этноконфессиональной идентичности.

Теоретические основы и методы

В отношении объекта исследования применена методология институционализма, которая, как подчеркивает С. В. Патрушев и др., предусматривает диалектичную аналитику, рассматривающую политические явления и процессы, политические институты в их детерминации, многофакторности, изменчивости, а также релевантности и жизнеспособности [8]. Исходя из позиции Ю.В. Ирхина, мы используем методологию институционализма для определения совокупности причинно-следственных связей, которые проявляются в политико-правовой сфере государственно-религиозных отношений и в реализации этноконфессиональных интересов граждан [9, с. 63–71]. Применяется прежде всего политический анализ в его прикладном аспекте – *policy analysis* (анализ политического курса) [10, с. 58–77]. Он позволяет соединять возможности дедукции и индукции, выявлять позитивные и проблемные аспекты практического воплощения политических решений в сфере гражданской самоорганизации.

В отношении правовых реалий и правовых документов, которые легитимизируют государственно-религиозные отношения, акцент делается на нормативном и аксиологическом подходах, которые способствуют определению не только объективных обстоятельств, но и субъективных целей, ценностей. В данном случае политический анализ, назначение которого указывает А. А. Дегтярев, позволяет соотнести фактические политические реалии с правовыми нормами [11, с. 154–168] и определить их ценностные аспекты, отвечающие этноконфессиональным интересам сообществ. Сравнительный политический анализ конституций ряда стран способствует выявлению как общих правовых позиций, так и норм, которые обусловлены этноконфессиональными особенностями сообществ данных государств.

Результаты и обсуждение

Конституция Азербайджанской Республики (1995 г. с последующими изменениями и поправками) отражает демократическое содержание государства и гражданского общества, в которых налицо принципы общечеловеческой социальной эволюции и в тоже время, собственно азербайджанские аспекты этноконфессионального структурирования. В Гл. 1 Конституции Азербайджанской Республики наряду со статьями о власти, суверенитете народа, референдуме есть ст. 5 «Единство народа», провозглашающая Азербайджанскую Республику «... *общей и неделимой родиной всех граждан Азербайджанской Республики*»¹.

В Гл. 2 ст. 18 «Религия и государство» отделяет религию от государства и устанавливает равноправие всех вероисповеданий перед законом. Запрещаются распространение и пропаганда религий (религиозных течений), унижающих достоинство личности или противоречащих принципам человечности. Государственный флаг Азербайджана включает изображение «*белого цвета полумесяца с восьмиконечной звездой*», что можно трактовать как символ ислама, исламской культуры. Использование религиозных атрибутов присуще далеко не всем государственным символам, однако часто присутствуют в государственной символике стран, принадлежащих исламскому миру (например, Малайзия, Мальдивы, Пакистан, Турция, Туркменистан, Узбекистан).

В Гл. 3 выделим ст. 25, которая присутствует в тех или иных формулировках в конституциях демократических государств: «...*Запрещается ограничение прав и свобод человека и гражданина по признакам расовой, этнической, религиозной, языковой принадлежности...*»². Статья соотносится

¹ См.: Конституция Азербайджанской Республики. Принято на всенародном голосовании (референдуме) 12 ноября 1995 г. Вступила в силу 27 ноября 1995 г. С изменениями, принятыми на всенародном голосовании (референдуме) 24 августа 2002 г. С изменениями, принятыми на всенародном голосовании (референдуме) 18 марта 2009 г. С изменениями, принятыми на всенародном голосовании (референдуме) 26 сентября 2016 г. URL: WWW.PRESIDENT.AZ. https://www.taxess.gov.az/vn/Konstitusiyaya_RUS.pdf (дата обращения: 2.06.2025).

² См.: Конституция Азербайджанской Республики. Принято на всенародном голосовании (референдуме) 12 ноября 1995 г. Вступило в силу 27 ноября 1995 г. С изменениями, принятыми на всенародном голосовании (референдуме) 24 августа 2002 г. С изменениями, принятыми на всенародном голосовании (референдуме) 18 марта 2009 г. С изменениями, принятыми на всенародном голосовании (референдуме) 26 сентября 2016 г. URL: WWW.PRESIDENT.AZ. https://www.taxess.gov.az/vn/Konstitusiyaya_RUS.pdf (дата обращения: 2.09.2025).

с документами ООН. Так, **«Всеобщая декларация прав человека»** 1948 г. утверждает, что все «люди имеют право на свободу мысли, совести и религии, а также право менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения»¹.

Азербайджанская Республика обеспечивает контроль за законодательством о свободе вероисповедания, что осуществляется соответствующим органом исполнительной власти (ст. 28). Он имеет широкий функционал по организации эффективного взаимодействия и достижению соглашений органов власти с религиозными образованиями и общинами. Также профильный орган власти: организует сотрудничество религиозных образований различного вероисповедания на основе терпимости и уважения; поддерживает связь с аналогичными органами иностранных государств; создает информационный банк по исполнению законодательства о свободе вероисповедания и др. (ст. 29).

В ст. 40 Основного закона Азербайджана прописана такая обязанность каждого гражданина, как уважение и забота об историческом, культурном и духовном наследии и охрана памятников истории и культуры. Ст. 44 и 45 гарантируют гражданам право на сохранение национальной идентичности и на пользование родным языком. Это соответствует **«Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам»** (1992 г.)². При этом в Азербайджане, как в правовом, демократическом государстве, **«никто не может принуждаться к выражению (демонстрации) религиозного верования и убеждения, совершению религиозных обрядов или участию в них»**³ (ст. 48).

Важной является ч. 4 ст. 45, которая отделяет религиозные убеждения от правонарушений, что имеет политический смысл, так как в ряде случаев террористы и экстремисты обосновывают свои противоправные действия столпами религии, в частности, ислама. Конституция Азербайджана декларирует правовую возможность создания институтов гражданского общества, в т.ч. по признаку религиозной принадлежности. Эта норма чрезвычайно важна для организации государственно-религиозных отношений в светском государстве, где принцип светскости предоставляет возможность гражданам быть равными в своем мировоззренческом, ценностном выборе.

Основной закон Азербайджана с изменениями и поправками соответствует национальной политической доктрине – утверждению **«Азербайджанства»**. В современной общественно-политической ситуации интенсификация национальной доктрины состоялась на основе решения долгосрочного карабахского конфликта. Она представляет **«...систему политических, правовых, социальных, экономических, духовно-нравственных взглядов, но отрицающих национальное превосходство, утверждающей консолидацию всех классов и этнических групп общества»** [12].

Конституция Республики Армения (1995 г. с последующими изменениями и поправками) фиксирует существенную роль истории, культуры, духовности, религии в формировании армянской государственности и суверенитета. Преамбула документа включает наряду с политико-значимыми категориями – суверенитет, государственность, независимость, гражданское согласие – многие категории нравственного содержания. Тексту правового документа свойственны частые упоминания о религии, вере, традициях, которые составляют комплекс духовного суверенитета и основу государственности армянского народа. Тесная связка государственности и религиозности отражает значение религии и религиозных институтов в достижении суверенитета армянского государства.

В Гл. 1 ст. 17 носит ординарное название «Государство и религиозные организации» и прописывает свободу деятельности религиозных организаций, их отделение от государства. В то же время документ содержит целевую ст. 18. «Армянская Апостольская Святая Церковь», аналогичной которой нет в иных рассматриваемых нами документах. Признается **«ее исключительная миссия... в деле**

¹ См.: Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.09.2025).

² См.: «Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» (принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 10.09.2025).

³ См.: Конституция Азербайджанской Республики. Принято на всенародном голосовании (референдуме) 12 ноября 1995 г. Вступило в силу 27 ноября 1995 г. С изменениями, принятыми на всенародном голосовании (референдуме) 24 августа 2002 г. С изменениями, принятыми на всенародном голосовании (референдуме) 18 марта 2009 г. С изменениями, принятыми на всенародном голосовании (референдуме) 26 сентября 2016 г. URL: WWW.PRESIDENT.AZ. https://www.taxes.gov.az/vn/Konstitusiyaya_RUS.pdf (дата обращения: 2.09.2025).

развития его (народа – И. Д. Ибрагимов) национальной культуры и сохранения его национальной самобытности»¹. Здесь отражены не только отношения государства и религии, но и отношение общества и церкви, которая образует стержни армянской идентичности. Во многом это связано с исключительностью Армянской Апостольской церкви, которая имеет собственный христологический канон – монофизитский. Приоритеты Армянской Апостольской церкви обусловлены тем, что в 301 г. Армения стала первой страной, принявшей христианство как государственную религию. Это, как подчёркивала А. Тер-Саркисянц, является мощным фактором национального и государственного строительства Армении [13, с. 285–301].

Также выделим еще одну статью, которая отличает Конституцию Республики Армения от конституций других стран. Она имеет этноконфессиональную мотивацию и содержит такой термин, как «Армянство». Ст. 19. «Связи с армянской Диаспорой» декларирует совместную политику государства и диаспоры, направленную на «развитие всесторонних связей и сохранение армянства...». Статья обусловлена наличием многочисленных армянских диаспор в мире: США, Франции, России, Грузии, Израиле, Канаде и др. [14]. Идея диаспоры имеет выраженный геополитический характер, акцентирующий идею покинутой Родины. Символично, что в гербе Армении присутствует изображение священной для армян горы Арарат, которая находится в Турции. Именно распространение армянских общин в других странах побудило законодателей Республики Армения разработать правовые нормы получения армянского гражданства по ст. 11.3 Конституции Армении, которая имеет оригинальный характер и гласит, что «армяне по национальности приобретают гражданство Республики Армения в упрощенном порядке»². Жизнеспособность армянских диаспор во многом поддерживается именно религиозным началом и приверженностью Армянской Апостольской церкви как оплоту национального единства. Геополитическая ситуация 2020-2025 гг. вокруг карабахского конфликта и его следствий активизировала Армянскую апостольскую церковь в политике и побудила некоторых священнослужителей к оппозиционному активизму в манифестных формах, что вызвало резкие реакции власти [15]. Конфликт власти и церкви негативно воспринимается обществом и потенциально способен дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в республике и даже в диаспоре.

В ст. 23 прописаны права и обязанности государственным органа управления, уполномоченный Правительством Армении для организации взаимодействия религиозных организаций с государством, регулирования государственно-религиозных отношений, а также отношений между разными религиозными организациями. Прописана возможность изменения религии или убеждений и свободы их выражения в форме проповеди, церковных церемоний, иных культовых обрядов или в иных формах как единолично, так и сообща с другими и публично или в частном порядке и т.д.

Ст. 56 подтверждает право на сохранение национальной и этнической самобытности, в частности, для национальных меньшинств, которые имеют право на сохранение своей культуры, религии, языка, традиций. Введение в Основной закон Армении категории «национальное меньшинство», которая отсутствует в конституциях других стран весьма показательна, с учетом моноэтничности населения республики. Для национальных меньшинств социально и политически важна возможность сохранения национальной, этнической самобытности, что отмечает М. А. Аствацатурова [16, с. 185–189].

Конституция Республики Беларусь (1994 г. с изменениями и поправками) содержит ст. 4, в которой прописано, что «демократия в стране осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений»³. Это изначально предполагает собственно белорусскую идеологическую основу развития демократического процесса, в том числе и национальную белорусскую модель гражданского общества.

¹ Конституция Республики Армения с изменениями. Принята 06.12.2015 г. Национальное Собрание Республики Армения. Официальный сайт. URL <http://www.parliament.am/parliament.php?lang=rus&id=constitution> (дата обращения: 15.09.2025).

² См.: Конституция Азербайджанской Республики. Принято на всенародном голосовании (референдуме) 12 ноября 1995 г. Вступило в силу 27 ноября 1995 г. С изменениями, принятыми на всенародном голосовании (референдуме) 24 августа 2002 г. С изменениями, принятыми на всенародном голосовании (референдуме) 18 марта 2009 г. С изменениями, принятыми на всенародном голосовании (референдуме) 26 сентября 2016 г. URL: WWW.PRESIDENT.AZ. https://www.taxes.gov.az/vn/Konstitusiy_a_RUS.pdf (дата обращения: 2.09.2025).

³ Конституция Республики Беларусь. Президент Республики Беларусь. Принята 15 марта 1994 года Верховным Советом Республики Беларусь и является первой в истории суверенной республики и пятой по счету Конституцией Беларуси (после Октябрьской революции 1917 года). URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 10.09.2025).

Конституция Республики Беларусь устанавливает в качестве государственных языков два языка – белорусский и русский. Это отличает основной закон Беларуси от конституций всех других стран, которые рассматриваются в данном исследовании.

Ст. 16 целевым образом прописывает положение религий и религиозных организаций. Религии и вероисповедания равны перед законом, а взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом, как и в основных законах других стран. Однако отмечается, что такое регулирование осуществляется с учетом влияния государственно-религиозных отношений *«на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа»*¹.

В Разделе 2 присутствует ст. 31, которая схожа со статьей Конституции РФ и конституциями других стран. Она гарантирует гражданам право на свободную этническую идентификацию – право сохранять свою национальную принадлежность. Утверждается, что *«Никто не может быть принужден к определению и указанию национальной принадлежности»*². Ст. 36 подтверждает право граждан на свободу объединений, которые могут образовываться на многих основах, в том числе, на основе культурной общности. Ряд статей (ст. 52–54) посвящен правовой защите культурных и духовных ценностей. Особо выделим, что Основной закон Беларуси провозглашает долгом каждого гражданина *«сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм»*.

В 2022 г. демократический характер основного закона Беларуси подтвержден изменениями и дополнениями, принятыми на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. Основные направления внутренней политики Республики Беларусь предусматривают *«...противодействие негативному влиянию религиозных организаций и их миссионеров, деятельность которых представляет угрозу для общественной безопасности, физического и психического здоровья граждан Республики Беларусь, имеет антигуманную и иную противоправную направленность»*³.

В Беларуси действует Уполномоченный по делам религий и национальностей и его аппарат, осуществляющий государственную политику в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. Осуществляется контроль деятельности религиозных организаций в части исполнения ими законодательства о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях; рассмотрение вопросов взаимоотношений государства и религиозных организаций⁴.

Конституция Республики Казахстан (1995 г. с последующими изменениями и поправками) в Преамбуле выделяет категории, демократического, историко-культурного, а также и этноидентификационного смысла. Это: *«свобода, равенство, согласие», «многонациональный народ», «историческая общность», «миролюбивое гражданское общество», «исконная казахская земля»*.

Раздел 1, ст. 1 представляет Республику Казахстан, как и другие страны, как демократическое, светское, правовое, социальное государство. В качестве одного из принципов деятельности государства утверждает *«казахстанский патриотизм»*⁵ – т.е. не как этнический, а как гражданский, отражающий интересы всех граждан страны. В ст. 5 запрещается деятельность общественных организаций, которая направлена на *«подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни...»*⁶. Также прописываются принципы отношений государства и гражданского общества на принципе невмешательства.

¹ Конституция Республики Беларусь. Президент Республики Беларусь. Принята 15 марта 1994 года Верховным Советом Республики Беларусь и является первой в истории суверенной республики и пятой по счету Конституцией Беларуси (после Октябрьской революции 1917 года). URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 10.09.2025).

² Там же.

³ Закон Республики Беларусь 14 ноября 2005 г. № 60-3 Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь. Принят Палатой представителей 5 октября 2005 года. Одобрен Советом Республики 27 октября 2005 года. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=N10500060> (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ Президент Республики Беларусь. Уполномоченный по делам религий и национальностей Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/statebodies/upolnomochennyu-po-delam-religiy-i-nacionalnostey> (дата обращения: 10.09.2025).

⁵ Конституция Республики Казахстан. Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года // ЭДИЛЕТ. Информационно-правовая система нормативно-правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 17.09.2025).

⁶ Там же.

Религиозная основа не может быть базой создания партий и профессиональных союзов, а иностранные религиозные организации могут действовать только в рамках законодательства государства и только по согласованию с соответствующими государственными органами. Эта позиция – общая для рассматриваемых конституций – имеет высокую значимость для сохранения стабильности общественно-политических отношений, упрочения национальной безопасности и сохранности государственного суверенитета.

В Разделе 2 ст. 19 утверждает права каждого определять и указывать или не указывать свою национальную, партийную и религиозную принадлежность, а также право на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Ст. 22-23 прописывают право каждого на свободу совести и право на свободу объединений. Также важна ст. 39, которая признает *«неконституционными любые действия, способные нарушить межнациональное и межконфессиональное согласие»*¹, что важно для сохранения стабильности казахстанского полиэтничного и поликонфессионального общества.

С учетом интересов русского населения Казахстана, а также задач упрочения межнационального согласия наряду с государственным казахским языком *«в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык»* (Ст. 7)², что составляет значимую особенность правового нарратива республики.

В то же время в Казахстане, как и в других государствах состоялась этнизация внутренней политики в направлении «казахстанизации» [17, с. 157–162]. Происходит упрочение приоритетов казахов как титульного народа и конструирования современной казахской нации, как многонациональной, но вокруг казахской этнической идентичности [18].

Преамбула **Конституции Республики Молдова** (1994 г. с последующими изменениями и поправками) в числе вводных целей правовых основ молдавской государственности и суверенитета акцентирует *«непрерывную государственность молдавского народа в историческом и этническом пространстве его национального становления, а также удовлетворение интересов граждан иного этнического происхождения, составляющих вместе с молдаванами народ Республики Молдова»*³.

В Разделе 1 целевая ст. 10 утверждает, что *«...государство признает и гарантирует право всех граждан на сохранение, развитие и выражение этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности»*⁴. В ст. 12, которая описывает государственные символы Республики Молдовы указано, что на гербе изображен, в частности, *«натуральный орел, который держит в клюве золотой крест (орел-крестоносец)»*, что, вероятно, может быть истолковано как религиозный символ христианства.

В ст. 36 утверждается светский характер государственного образования и в то же время свобода религиозного образования. Как и в рассматриваемых основных законах других стран, Конституция Молдовы провозглашает, что *«граждане равны перед законом и властями независимо от расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии...»* (Раздел 2, гл. 1, ст.16)⁵.

Выделяется отдельная ст. 31 «Свобода совести», которая гарантирует свободу совести, причем конкретизируются ее проявления, а именно – дух терпимости и взаимного уважения. Здесь же в правовое поле вводится такая категория, как *«религиозный культ»*. Под данной категорией имеются в виду религиозные организации, которые свободны и организуются согласно собственным уставам и в соответствии с законом. Конституция Республики Молдова запрещает любые проявления вражды в отношениях между религиозными культурами, профилактируя, таким образом, конфликтный потенциал межконфессиональных отношений.

В системе органов центрального публичного управления в Молдове действует Агентство межэтнических отношений. Приоритетные задачи профильного органа управления состоят *«в укреплении межэтнических отношений, в постоянном диалоге между руководством государства, гражданским*

¹ Конституция Республики Казахстан. Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года // ЭДИЛЕТ. Информационно-правовая система нормативно-правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 17.09.2025).

² Там же.

³ Конституция Республики Молдовы от 29.07.1994. Опубликована в Официальном Мониторе Республики Молдова № 1 от 12.08.1994 г. URL: <https://www.parlament.md/LinkClick.aspx?fileticket=R1OyilLY1gk%3d&tabid=151&language=ro-RO> (дата обращения: 12.09.2025).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

обществом, международными организациями и этнокультурными организациями в целях соблюдения принципов демократии и прав человека...»¹. В качестве площадки публичного диалога органов управления с институтами гражданского общества образован Координационный совет этнокультурных организаций, аккредитованных при Агентстве. Его цель – «консолидация взаимодействия с Координационным советом этнокультурных организаций и повышение эффективности его потенциала в качестве одного из каналов диалога между органами власти и национальными меньшинствами»².

Внимание основного закона Республики Молдова к национальным меньшинствам соответствует европейской традиции правового и организационного обеспечения их прав. Так, в «**Декларации правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам**» в ст. 4 широко представлены такие права национальных меньшинств, как: равенство перед законом и защита от дискриминации, выражение своих особенностей и развитие своих культуры, язык, религии, традиций и обычаев, изучение своего языка³. В то же время в реализации национальной политики и государственно-религиозных отношений Республики Молдовы отмечаются явные дисфункции, связанные с ориентирами части общества на румынский вектор политического развития, который не разделяет большинство русского и иного нетитульного, а также и часть титульного населения [19, с. 343–353].

Закключение

На основе конституций в новых независимых государствах в течение 1991–2025 гг. сформировалась и пополняется новая правовая система, обеспечивающая государственную национальную политику, национально-культурное самоопределение, государственно-религиозные отношения. Эта система:

- в определенной мере продолжила правовые нормы советской системы, которые были адресованы национально-государственному строительству и административно-территориальному делению государства, а также принципу социалистического интернационализма;
- в большой степени приобрела оригинальное содержание в соответствии с новациями государственного и политического суверенитета вновь образованных государств;
- обеспечила законные возможности этноконфессиональной самоорганизации граждан в системе гражданского общества, которое имеет собственные страновые модели;
- детерминировала новую политическую ситуацию, в которой доктринально-опосредованно утверждены приоритеты титульных народов, а положение, статус национальных меньшинств (прежде всего, групп русского населения), а также и национально-территориальных, автономно-территориальных, административно-территориальных образований (Нагорный Карабах, Приднестровье, Гагаузия) стало проблемой политического свойства. Этнические группы некоренного происхождения и нетитульной принадлежности столкнулись с проблемами сохранения языка, культуры, культурного наследия, традиций, религии, возможностями отправления религиозных обрядов, а также и с дефицитами эффективной социализации и успешного субъективирования в политическом процессе. В некоторых странах демократические конституционные принципы не обеспечили решения национальных вопросов, прежде всего, потому, что правоприменение их решения было далеко от согласительных, компромиссных процедур власти и этнических коллективов.

Каждый из рассматриваемых основных законов отражает специфику национально-государственного строительства, государственно-религиозных отношений, в которых прослеживаются этнический и религиозный факторы в их социокультурном, а также и в общественно-политическом выражении.

¹ Правительство Республики Молдова. Органы центрального публичного управления. Агентство межэтнических отношений. URL: <https://www.bri.gov.md/ru/content/o-%D0%BD%D0%B0%D1%81> (дата обращения: 13.09.2025).

² Правительство Республики Молдова. Органы центрального публичного управления. Агентство межэтнических отношений. URL: <https://www.bri.gov.md/ru/content/ari-%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 15.09.2025).

³ Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» (принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 г.). URL https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 10.09.2025).

Список источников

1. Мchedlova М. М. Религия в политических конструкциях современности: представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 541–546. EDN: TDHIEM. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-541-546>
2. Бухарин М. Д., Коваленко В. И., Цыганков П. А. Основы глобальной конкуренции: логистика, технологии и полярные союзы в прошлом, настоящем и будущем. Часть 2 // Вестник Московского государственного университета. Сер. 12. Политические науки. 2024. № 3. С. 46–66. <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-3-46-66>
3. Затулин К. Ф., Мигранян А. М. СНГ: начало или конец истории. К смене вех // Независимая газета. Содружество. 26 марта 1997 г.
4. Бабошина Е. В., Косов Г. В., Станкевич Г. В. Теоретико-правовой анализ международных документов универсального и регионального характера о свободе совести, убеждений и религии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 76–87.
5. Зиновьев В. П., Троицкий Е. Ф. Страны СНГ и Балтии. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. 335 с.
6. Харитонов О. Г. Генезис демократии (попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 73–76. EDN: ESCNJV
7. Карпович О. Г., Давыдова А. В. Современные векторы российской дипломатии на постсоветском пространстве // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8(3). С. 315–330. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-3-315-330>.
8. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России (под ред. С.В. Патрушева). М.: ИСП РАН, 2006. 586 с.
9. Ирхин Ю. В. Управленческий потенциал, возможности и пределы институционализма и неинституционализма // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2014. № 2. С. 63–71. EDN: SLJNWV.
10. Ирхин Ю. В. Институционализм и неинституционализм: направления и возможности анализа // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 1. С. 58–77. EDN: OPAPKZ
11. Дегтярев А. А. Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле и направления развития // Полис. Политические исследования. 2004. № 1. С. 154–168.
12. Адем Исмаил Бакуви. Новая национальная идея Азербайджана: реформы, реформы и еще раз реформы // MUSAVAT. Общественно-политическая интернет-газета. 11.03.2025 г. URL: https://musavat.ru/ru/news/novaya-nacionalnaya-ideya-azerbajdzhana-reformy-reformy-i-eshe-raz-reformy_1152366.html.
13. Тер-Саркисянц А. Е. Христианство в Армении и его роль в развитии раннесредневековой армянской культуры и в сохранении армянского этноса / Расы и народы. Том 31. М.: Изд-во «Наука», 2006. С. 285–307.
14. Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Ростов н/Д, 30–31 мая 2018 г.). Отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. 2018. 222 с.
15. Кармазин И. От храма до хлама: к чему приведет война Пашиняна с Армянской церковью // Известия. 12 июня 2025 г. URL: <https://iz.ru/1898394/igor-karmazin/ot-khrama-do-khlama-k-chemu-privedet-voina-pashiniana-s-armianskoi-tcerkoviu>.
16. Аствацатурова М. А. Диаспоры: этнокультурная идентичность национальных меньшинств (возможные теоретические модели) // Диаспоры: Независимый научный журнал. 2003. № 2. С. 185–189. EDN: SSTYWD.
17. Мамырова С. Стратегия «Казахстан-2050» как важный ориентир для подрастающего поколения. Астана, 2014. С. 157–162. <https://e-history.kz/upload/iblock/e3d/e3da49ee2145121dcf66b16a97949dbd.pdf>
18. Подолько В. В. Национальная политика Республики Казахстан в документах стратегического планирования // Образование и право. 2021. № 10. С. 41–44. EDN: ZXLBRS. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-10-41-44>
19. Плотников Д. С. Постсоветская трансформация молдавской идентичности: от конструкта молдавской нации к румынской периферии // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2024. Т. 8. Вып. 3. С. 343–353. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-3-343-353>.

References

1. Mchedlova M.M. Religion in the political constructions of modernity: I present the issue. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2020;22(4):541–546. EDN: TDHIEM. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-541-546>

2. Bukharin M.D., Kovalenko V.I., Tsygankov P.A. Fundamentals of global competition: logistics, technology and polar unions in the past, present and future. Part 2. *Bulletin of the Moscow State University. Ser. 12. Political sciences*. 2024;(3):46–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-3-46-66>
3. Zatulin K.F., Migranyan A.M. The CIS: the beginning or the end of history. Towards a change of milestones. *Nezavisimaya Gazeta. Sodruzhestvo*. March 26, 1997. (In Russ.)
4. Baboshina E.V., Kosov G.V., Stankevich G.V. Theoretical and legal analysis of international documents of a universal and regional nature on freedom of conscience, beliefs and religion. *The Caspian region: politics, economics, culture*. 2018;4(57):76–87. (In Russ.)
5. Zinoviev V.P., Troitskiy E. F. *CIS and Baltic countries*. Tomsk: Publishing house of Tomsk University; 2009. 335 p. (In Russ.)
6. Kharitonova O. G. The genesis of democracy (an attempt to reconstruct the logic of transitological models). *Polis. Political research*. 1996;(5):73–76. EDN: ESCNJV. (In Russ.)
7. Karpovich O.G., Davydova A.V. Modern vectors of Russian diplomacy in the post-Soviet space. *Problems of the post-Soviet space*. 2021;8(3):315–330. (In Russ.) <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-3-315-330>.
8. *Institutional Political Science: Modern institutionalism and the political transformation of Russia* (edited by S.V. Patrushev). Moscow: ISP RAS; 2006. 586 p. (In Russ.)
9. Irkhin Yu.V. Managerial potential, opportunities and limits of institutionalism and neo-institutionalism. *Ars Administrandi (The Art of management)*. 2014;(2):63–71. EDN: SLJNWV.
10. Irkhin Yu.V. Institutionalism and neo-institutionalism: directions and possibilities of analysis. *Socio-humanitarian knowledge*. 2012;(1):58–77. EDN: OPAPKZ. (In Russ.)
11. Degtyarev A.A. Political analysis as an applied discipline: subject field and directions of development. *Polis. Political research*. 2004;(1):154–168. (In Russ.)
12. Adem Ismail Bakuvi. The new national idea of Azerbaijan: reforms, reforms and more reforms // *MUSAVAT. Socio-political online newspaper*. 03/11/2025. Available from: https://musavat.ru/ru/news/novaya-nacionalnaya-ideya-azerbajdzhana-reformy-reformy-i-eshe-raz-reformy_1152366.html. (In Russ.)
13. Ter-Sarkisyants A.E. Christianity in Armenia and its role in the development of early medieval Armenian culture and in the preservation of the Armenian ethnic group. *Races and Peoples*. Volume 31. Moscow: Nauka Publishing House, 2006. P. 285–307. (In Russ.)
14. *Armenians of Southern Russia: history, culture, common future: proceedings of the III International Scientific Conference*. (Rostov-on-Don, May 30–31, 2018). Ed. Academician G.G. Matishov. Rostov-on-Don: Publishing house of the UNC RAS; 2018. 222 p. (In Russ.)
15. Karmazin I. From temple to trash: what will Pashinyan's war with the Armenian Church lead to? *Izvestia*. June 12, 2025. Available from: <https://iz.ru/1898394/igor-karmazin/ot-khrama-do-khlama-kchemu-privedet-voyna-pashiniana-s-armianskoi-tcerkoviu>. (In Russ.)
16. Astvatsaturova M. A. Diasporas: the ethnocultural identity of national minorities (possible theoretical models). *Diasporas: An independent scientific journal*. 2003;(2):185–189. EDN: SSTYWD. (In Russ.)
17. Mamyrova S. *Strategy "Kazakhstan-2050" as an important guideline for the younger generation*. Astana, 2014:157–162. Available from: <https://e-history.kz/upload/iblock/e3d/e3da49ee2145121dcf66b16a97949dbd.pdf> (In Russ.)
18. Podolko V.V. National policy of the Republic of Kazakhstan in strategic planning documents. *Education and Law*. 2021;(10):41–44. EDN: ZXLBRS. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-10-41-44>
19. Plotnikov D.S. The post-Soviet transformation of Moldovan identity: from the construct of the Moldovan nation to the Romanian periphery. *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations*. 2024;8(3):343–353. (In Russ.) <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-3-343-353>

Информация об авторе

И. Д. Ибрагимов – кандидат педагогических наук, доцент, проректор по формированию духовно-идеологических стратегических ориентиров и кадрового потенциала, государственно-конфессиональному и межкультурному взаимодействию, Пятигорский государственный университет.

Information about the author

I. D. Ibragimov – Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Vice-rector for the formation of spiritual and ideological strategic guidelines and human resources, state-confessional and intercultural interaction, Pyatigorsk State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; одобрена после рецензирования 05.11.2025; принята к публикации 06.11.2025. The article was submitted 01.10.2025; approved after reviewing 05.11.2025; accepted for publication 06.11.2025.